

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 6. СТИХИ.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Составитель МУЧНИК ЭТА БОРИСОВНА

Марина Ивановна Цветаева (1892 - 1941) – поэтесса, прозаик, переводчик.

Родилась в Москве 26 сентября 1892 года. Отец Марины был профессором университета, мать – пианисткой. В биографии Цветаевой написание стихов началось в возрасте 6 лет. Обучалась в Москве, затем в Швейцарии, Германии, Франции.

Первый сборник стихотворений Цветаевой был опубликован в 1910 году

Во время Гражданской войны (1917-1922) для Цветаевой стихи являются средством выразить сочувствие. В 1922 году Цветаева переезжает в Берлин, в Чехию, затем снова в Берлин.

Прожив 1930-е года в бедственном состоянии, в 1939 Цветаева возвращается в СССР. Её дочь и мужа арестовывают, Сергея расстреливают в 1941 году, а дочь через 15 лет реабилитируют. 31 августа 1941 года Цветаева покончила с собой.

* * *

Август - астры,
Август - звезды,
Август - грозди
Винограда и рябины
Ржавой - август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август!- Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных -
Август!- Месяц
Ливней звездных!

АЛЕ

А когда — когда-нибудь — как в воду
И тебя потянет — в вечный путь,
Оправдай змеиную породу:
Дом — меня — мои стихи — забудь.

Знай одно: что завтра будешь старой.
Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,
Синеокою цыганкой будь.
Знай одно: никто тебе не пара —
И бросайся каждому на грудь.

Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь — миллионы глаз!)
Ах, гремят мадридские гитары!
(Я о них *писала* — столько раз!)

Знай одно: (твой взгляд широк от жара,
Паруса надулись — добрый путь!)
Знай одно: что завтра будешь старой,
Остальное, деточка,— забудь.

11 июня 1917

БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей - сколько? -
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
- Бабушка! - Этот жестокий мятеж
В сердце моем - не от вас ли?..

БАЙРОНУ

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах, очень длинных,
В волнистых волосах,
И обо всех - в аллеях и в гостиных -
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых - слишком юный -
Вы не имели времени прочесть,
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы - мне, я - Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

24 сентября 1913, Ялта

БАЛЬМОНТУ

Пышно и бесстрастно вянут
Розы нашего румянца.
Лишь камзол теснее стянут:
Голодаем как испанцы.

Ничего не можем даром
Взять — скорее гору сдвинем!
И ко всем гордыням старым —
Голод: новая гордыня.

В вывернутой наизнанку
Мантии Врагов Народа
Утверждаем всей осанкой:
Луковица — и свобода.

Жизни ломовое дышло
Спеси не перешибило
Скакуну. Как бы не вышло:
— Луковица — и могила.

Будет наш ответ у входа
В Рай, под деревцем миндальным:
— Царь! На пиршестве народа
Голодали — как гидальго!

Ноябрь 1919

В ЗАЛЕ

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала...
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица,—
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сражение,
И темных окончится власть
Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

1908-1910

* * *

В огромном городе моем - ночь.
Из дома сонного иду - прочь
И люди думают: жена, дочь,-
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет - путь,
И где-то музыка в окне - чуть.
Ах, нынче ветру до зари - дуть
Сквозь стенки тонкие груди - в грудь.

Есть черный тополь, и в окне - свет,
И звон на башне, и в руке - цвет,
И шаг вот этот - никому - вслед,
И тень вот эта, а меня - нет.

Огни - как нити золотых бус,
Ночного листика во рту - вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам - снюсь.

1967.

В ПАРИЖЕ

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара — все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Июнь 1909, Париж

В РАЮ

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

1909-1910

* * *

В синее небо ширя глаза -
Как восклицаешь:- Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь -
Как восклицаешь:- Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи -
Так восклицаю:- Будут стихи!

1936

* * *

В черном небе слова начертаны —
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишуший, в поте — пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огонь, над кудрями пляшущий,—
Дуновение вдохновения!

14 мая 1918

ВОЖДЯМ

Срок исполнен, вожди! На подмости
Вам судеб и времен колесо!
Мой удел - с мальчуганом в матроске
Погонять золотое серсо.

Ураганом святого безумья
Поднимайтесь, вожди, над толпой!
Всё безумье отдам без раздумья
За весеннее: "Пой, птичка, пой".

1909-1910

* * *

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может - пьют вино,
Может - так сидят.
Или просто - рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Не от свеч, от ламп темнота зажглась:
От бессонных глаз!

Крик разлук и встреч -
Ты, окно в ночи!
Может - сотни свеч,
Может - три свечи...
Нет и нет уму
Моему покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

* * *

"Я стол накрыл на шестерых..." *

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
- "Я стол накрыл на шестерых"...
Ты одного забыл - седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах - дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть - седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально - им, печален - сам,
Непозванная - всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
- Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий -
Ты сам - с женой, отец и мать)
Есть семеро - раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых -
Быть призраком хочу - с твоими,

(Своими)...

Робкая как вор,
О - *ни души* не задевая!-
За непоставленный прибор
Сажусь незванная, седьмая.

Раз!- опрокинула стакан!
И всё. что жаждало пролиться,-
Вся соль из глаз, вся кровь из ран -
Со скатерти - на половицы.

И - гроба нет! Разлуки - нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть - на свадебный обед,
Я - жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат. не сын, не муж,
Не друг - и всё же укоряю:
- Ты, стол накрывший на шесть - *душ*,
Меня не посадивший - с краю.

ВСТРЕЧА

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачной анемона,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
— Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей — и в небе счастья нет?

1907-1910

* * *

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче - всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел,-
Всё жаворонки нынче - вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
"Мой милый, что тебе я сделала?!"

И слезы ей - вода, и кровь -
Вода,- в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха - Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
"Мой милый, что тебе я сделала?"

Вчера еще - в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал,-
Жизнь выпала - копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою - немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
"Мой милый, что тебе я сделала?"

Спрошу я стул, спрошу кровать:
"За что, за что терплю и бедствую?"
"Отцеловал - колесовать:
Другую целовать",- отвечают.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил - в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе - я сделала?

Всё ведаю - не прекословь!
Вновь зрячая - уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само - что дерево трясти! -
В срок яблоко спадает спелое...
- За всё, за всё меня прости,
Мой милый,- что тебе я сделала!

14 июня 1920

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы,—
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

* * *

О. Э. Мандельштаму

Гибель от женщины. Вот знак
На ладони твоей, юноша.
Долу глаза! Молись! Берегись! Враг
Бдит в полуночи.

Не спасет ни песен
Небесный дар, ни надменнейший вырез губ.
Тем ты и люб,
Что небесен.

Ах, запрокинута твоя голова,
Полузакрыты глаза — что?— пряча.
Ах, запрокинется твоя голова —
Иначе.

Голыми руками возьмут — ретив! упрямя!
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Растреплют крылья твои по всем четырем ветрам!

Серафим!— Орленок!

17 марта 1916

ГЛАЗА

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой,
Всегда б платили за постой
Всё эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой,
От солнца б застилась рукой,
Качала бы — молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Что видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

* * *

- Годы твои - гора,
Время твое - царей.
Дура! любить - стара.
- Други! любовь - старей:

Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...

29 января 1940

* * *

Т. В. Чурилину

Голуби реют серебряные,
растерянные, вечерние...
Материнское мое благословение
Над тобой, мой жалобный
Вороненок.

Иссиня-черное, исчерна-
Синее твоё оперение.
Жесткая, жадная, жаркая
Мать.

Было ещё двое
Той же масти — черной молнией сгасли!—
[Лермонтов](#), Бонапарт.

Выпустила я тебя в небо,
Лети себе, лети, болезный!
Смиранные, благословенные
Голуби реют серебряные,
Серебряные над тобой.

12 марта 1916

* * *

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

* * *

Два солнца стынут,- о Господи, пощади!-
Одно - на небе, другое - в моей груди.

Как эти солнца,- прощу ли себе сама?-
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут - не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

ДЕТСКИЙ ДЕНЬ

Утро... По утрам мы
Пасмурны всегда.
Лучшие года
Отравляют гаммы.

Ждет опасный путь,
Бой и бриллианты,-
Скучные диктанты
Не дают вздохнуть!

Сумерки... К вечерне
Слышен дальний звон.
Но не доплетен
Наш венец из терний.

Слышится: "раз, два!"
И летят из детской
Песенки немецкой
Глупые слова.

1909-1910

ДИКАЯ ВОЛЯ

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
"Гибель здесь, а там тюрьма!"
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь,- за мною пасти,
Я смеюсь - в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги - герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

1909-1910

* * *

Дней сползающие слизи,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

И до бед мне мало дела
Собственных... - Еда? Спать?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.

Январь 1925

* * *

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и о — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!
5 августа 1918

ЕЩЕ МОЛИТВА

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленье завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только тени
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцать лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдье пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу - не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать - только тени
В тихом царстве любимых теней.

Осень 1910, Москва

* * *

За девками доглядывать, не скис
ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Ссыпая в узкогорлые бутылки,
Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крёстным.
Кормилица с крикливым петухом
В переднике - как ночь ее повойник!-
Докладывает древним шепотком,
Что молодой - в часовенке - покойник.
И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой.
И яблони - что ангелы - белы,
И голуби на них - что ладан - сизы.
И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

ЗА КНИГАМИ

"Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?"
Я большая,- мне семь лет,
Я упряма,- это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

"Поиграй, возьмись за дело,
Домик строй".- "А где картон?"
"Что за тон?"- "Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие - палачи,
Давид Копперфильд"... - "Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!"

Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...
"Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?"

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

1909-1910

* * *

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить - как грешу - как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами - всеми пятью!

Други! Сообщники! Вы, чьи наущенья - жгучи!
Вы, сопреступники! - Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи,-
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

* * *

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух - не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле!- Неба дочь!
С полным передником роз!- Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре!- Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорежь зари - и ответной улыбки прорежь...
- Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

* * *

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется — возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем вас признав на веру,—
Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой грудью
Вечный апофеоз!

Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

* * *

Идите же! - Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете - из-за других -
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

11 июля 1913

* * *

Из Польши своей спесивой
Принес ты мне речи льстивые,
Да шапочку соболиную,
Да руку с перстами длинными,
Да нежности, да поклоны,
Да княжеский герб с короною.

— А я тебе принесла
Серебряных два крыла.

20 августа 1917

ИЗ СКАЗКИ - В СКАЗКУ

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,

Все, что так тянулось к небу,-
Но разумности не требуй.
Я до смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаюсь помоги мне
Девочкой, хотя женой.

1909-1910

* * *

Каждый стих - дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец - у колеи
На поклон ветрам - положенный.

Сердцу - ад и алтарь,
Сердцу - рай и позор.
Кто - отец? Может - царь,
Может - царь, может - вор.

14 августа 1918

* * *

Как правая и левая рука -
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежны, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встаёт - и бездна пролегла
От правого - до левого крыла!

10 июля 1918

* * *

Каменногрудый,
Каменнолобый,
Каменнобровый
Столб:
Рок.

Промысел, званье!
Вставай в ряды!
Каменной дланью
Равняет лбы.

Хищен и слеп,
Хищен и глуп.
Милости нет:
Каменногруд.

Ведомость, номер!
Без всяких прочих!
Равенство - мы:
Никаких высочеств!

Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
Пушкин - на снег,
И Шенье - на плаху.

КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном пререплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тот час же к вам, бывало,
- Уж поздно!- Мама, десять строк!...-
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет, в воздухе свежо...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы....
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком - корона...

Вдруг - нищий! Боже! Он сказал:
"Позвольте, я наследник трона!"
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
- О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

1908-1910

* * *

Когда гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые - как художника кистью,
Картину *кончающего* наконец,

Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине - забыт.

20 октября 1936

* * *

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем,

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным - так далеко-далеко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню - на руке моей рабочей -

Серебряных перстней, чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены бедою,
Ты - маленькой была, я - молодою.

* * *

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

КРЕСТИНЫ

Воды не перетеплил
В чану, зазнобил - как надобно -
Тот поп, что меня крестил.
В ковше плоскодонном свадебном

Вина не пересластил -
Душа да не шутит брашнами!-
Тот поп, что меня крестил
На трудное дело брачное:

Тот поп, что меня венчал.
(Ожжась, поняла танцовщица,
Что сок твоего, Анчар,
Плода в плоскодонном ковшике

Вкусила...)
- На вечный пыл
В печи смоляной поэтовой
Крестил - кто меня крестил
Водю неподогретою

Речною,- на свыше сил
Дела, не вершимы женами -

Крестил - кто меня крестил
Бедою неподслащенной:

Беспримесным тем вином.
Когда поперхнусь - напомниме!
Каким опалюсь огнем?
Все страсти водою комнатной

Мне кажутся. Трижды прав
Тот поп, что меня обкарнывал.
Каких убоюсь отрав?
Все яды - водой отварною

Мне чудятся. Что мне рок
С его родовыми страхами -
Раз собственные, вдоль щек,
Мне слезы - водою сахарной!

А ты, что меня крестил
Водой исступленной Савловой
(Так Савл, занеся костыль,
Забывчивых останавливал) -

Молись, чтоб тебя простил -
Бог.

1 января 1925

* * *

Кто создан из камня, кто создан из глины,-
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело - измена, мне имя - Марина,
Я - бrenная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти -
Тем гроб и надгробные плиты...
- В купели морской крещена - и в полете
Своем - непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня - видишь кудри беспутные эти?-
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной - воскресаю!
Да здравствует пена - веселая пена -
Высокая пена морская!

КУРЛЫК

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово "курлык".

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык
И задрожешь и заплачешь под слово,
Глупое слово "курлык".

Бедная Fraulein* в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык,-
Все воскресаёт под милое слово,
Детское слово "курлык".

1910-1911

* * *

Легкомыслие!- Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
и мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научив не хранить кольца,-
с кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть как стебель и быть как сталь
в жизни, где мы так мало можем...
- Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо проходим!

3 марта 1915

* * *

Листья ли с древа рушатся,
Розовые да чайные?
Нет, с покоренной русости
Ризы ее, шелка ее...

Ветви ли в воду клонятся,
К водорослям да к ржавчинам?
Нет,— без души, без помысла
Руки ее упавшие.

Смолы ли в траву пролиты,—
В те ли во лапы кукушечьи?
Нет,— по щекам на коврики
Слезы ее,— ведь скушно же!

Барин, не тем ты занятый,
А поглядел бы зарево!
То в проваленной памяти —
Зори ее: глаза его!

<1922>

ЛЮБВИ СТАРИННЫЕ ТУМАНЫ

1

Над черным очертаньем мыса —
Луна — как рыцарский доспех.
На пристани — цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов,—
И горестный, огромный вздох:
— Ne laissez pas trainer mes lettres!*

* «Не раскидывайте мои письма!» (фр.)

2

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синеет водный путь.
— Опять любить кого-нибудь?—
Ты уезжаешь утром рано.

Горячие туманы Сити —
В глазах твоих. Вот так, ну вот...
Я буду помнить — только рот
И страстный возглас твой: — Живите!

3

Смывает лучшие румяна —
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы — солонь. Боюсь,
Я завтра утром — мертвой встану.

Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся?— Во сне.
— Как ветрено!— Привет жене,
И той — зеленоглазой — даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден — от века.
Я чувствую у рта и в веках
Почти звериную печаль.

Такая слабость вдоль колен!
— Так вот она, стрела Господня!—
— Какое зарево!— Сегодня
Я буду бешеной Кармен.

...Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом — туман, туман.
Любви старинные туманы.

19 августа 1917

* * *

Люблю - но мука еще жива.
Найди баюкающие слова:

Дождливые, - расточившие все
Сам выдумай, чтобы в их листве

Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,

На гроб стекал, чтобы лоб - светал,
Озноб - стихал, чтобы кто-то спал

И спал...

Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня - сожгут).

Баюкай же - но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:

Уютами...

24 сентября 1923

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь.
О милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпрастаю руки, стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен,
Смерть, выбью!— Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спален.

И если все ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увести,—
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

28 ноября 1920

М. А. ВОЛОШИНУ

(Памяти Максимилиана Волошина)

1

Товарищи, как нравится
Вам в проходном дворе
Всеравенства — перст главенства:
— Заройте на горе!

В век: «распевай, как хочется
Нам — либо упраздним»,
В век скопищ — одиночества:
«Хочу лежать один» —
Вздых...

2

Ветхозаветная тишина,
Сирой полыни крестик.
Похоронили поэта *на*
Самом высоком месте.

Так, даже в смерти своей — подъем
Он даровал несущим.
Стало быть, именно на своем
Месте, ему присущем.

Выше которого только вздох,
Мой из моей неволи.
Выше которого — только Бог!
Бог — и ни вещи боле.
Всечеловека среди высот
Вечных при каждом строе.
Как подобает поэта — *под*
Небом и *над* землею.

После России, где *меньше* он
Был, чем последний смазчик —
Первым в ряду — всех из ряда вон
Равенства — выходящих:

В гор ряду, в зорь ряду, в гнезд ряду,
Орльих, по всем утесам.
На пятьдесят, хоть, восьмом году —
Стал рядовым, *был* способ!

Уединенный вошедший в круг —
Горе? нет, радость в доме!
На сорок верст высоты вокруг —
Солнечного да кроме

Лунного — ни одного лица,
Ибо соседей — нету.
Место откуплено до конца
Памяти — и планеты.

3

В стране, которая — одна
Из всех звалась Господней,
Теперь меняют имена
Всяк, как ему сегодня

На ум или не-ум (потом
Решим!) взбредет. «Леонтьем
Крещеный — просит о таком-
то прозвище». — Извольте!

А впрочем — что ему с холма
Как звать такую малость?
Я *гору* знаю, что *сама*
Переименовалась.

Среди казарм, и шахт, и школ
Чтобы душа не билась —
Я *гору* знаю, что в престол
Души преобразилась.

В котлов и общего котла,
Всеобщей котловины
Век — *гору* знаю, что светла
Тем, что на ней *единый*

Спит — на отвесном пустыре
Над уровнем движенья.
Преображение на горе?

Горы — преображение!

Гора, как все была: стара,
Меж прочих не отметишь.
Днесь Вечной Памяти Гора,
Доколе солнце светит —

Вожатому — душ, а не масс!
Не двести лет, не двадцать,
Гора та — как бы ни звалась —
До века будет зваться
Волошинской.

4

— «Переименовать!» Приказ —
Одно, народный глас — другое.
Так, погребенья через час,
Пошла «Волошинской горою»

Гора, название Янычар
Носившая — четыре века.
А у почтительных татар:
— Гора Большого Человека.

5

Над вороным утесом —
Белой зари рукав.
Ногу — уже с заносом
Бега — с трудом вкопав

В землю, смеясь, что первой
Встала, в зари венце —
Макс! мне было — так *верно*
Ждать на твоём крыльце!

Позже, отвесным полднем,
Под колокольцы коз,
С всхолмья да на восхолмье,
С глыбы да на утес —

По трехсаженным креслам:
Тронам иных эпох —
Макс, мне было — так *лестно*

Лезть за тобою — Бог

Знает куда! Да, виды
Видящим — путь скалист.
С глыбы на пирамиду,
С рыбы — на обелиск...

Ну, а потом, на плоской
Вышке — орлы вокруг —
Макс, мне было — так *просто*
Есть у тебя из рук,

Божьих или медвежьих,
Опережавших «дай»,
Рук неизменно-брежных,
За воспаленный край

Раны умевших братья
В веры сплошном луче.
Макс, мне было так *братски*
Спать на твоём плече!

(Горы... Себе на горе
Видится мне одно
Место: с него два моря
Были видны по дно

Бездны... два моря сразу!
Дщери иной поры,
Кто вам свои два глаза
Преподнесет с горы?)

...Только теперь, в подполье,
Вижу, когда потух
Свет — до чего мне вольно
Было в охвате двух

Рук твоих... В первых встречных
Царстве — и сам суди,
Макс, до чего мне *вечно*
Было в твоей груди!

Пусть ни единой травки,
Площе, чем на столе —
Макс, мне будет — так *мягко*

Спать на твоей скале!

<1932-1935>

МАМЕ

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследств о
Ты, о мама, девочкам своим!
1907-1910

МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик, и он же конь,
Он прихоть, и он же право.
Вздохнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазый,

Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

18 сентября 1921

* * *

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...
Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек -
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре -
Помните утренний ветер и степь в серебре?
Синий дымок на горе
И о цыганском царе -
Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных - как ночь - сыновей,
Нищих - как ночь - сыновей...
И рокотал соловей -
Славу.

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры -
Звезды...

* * *

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле — деревья,
Это бродят золотым вином — гроздья,
Это странствуют из дома в дом — звезды,
Это реки начинают путь — вспять!
И мне хочется к тебе на грудь — спать.

14 января 1917

* * *

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной -
Распущенной - и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью - всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня - не зная сами! -
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами,-
За то, что вы больны - увы! - не мной,
За то, что я больна - увы! - не вами!

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я - поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
- Нечитанным стихам! -

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,

Настанет свой черед.

Май 1913, Коктебель

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, Ты не скажешь строго:
- "Терпи, еще не кончен срок".
Ты сам мне подал - слишком много!
Я жажду сразу - всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
и амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой - день вчерашний,
Чтоб был безумьем - каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство - лучше сказки
И дай мне смерть - в семнадцать лет!

26 сентября 1909, Таруса

* * *

На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь.

Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам.

Поклон тебе, град Божий, Киев!
Поклон, престольная Москва!

Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства...

Не встанет - любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп.

3 мая 1921

НАРОД

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
«Народ! Какой народ!»

Народ — такой, что и поэт —
Глашатай всех широт,—
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит: такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать,—
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт — горит!—
Гранат, *творит* — магнит.)

...Что *радий* из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — *такой*,
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20 мая 1939

* * *

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь
ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного ижданного подарка
Не жду.

Не радует ни утро, ни трамвая
Звонящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я - маленький плясун.
Я - тень от чьей-то тени. Я - лунатик
Двух темных лун.

13 июля 1914

* * *

Не колесо громовое -
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен -
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом -
Стрелами перекинулись скифы.

16 января 1925

* * *

Т. В. Чурилину

Не сегодня-завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
Пожалеть тебя, у тебя навек
Пересохли губы.

Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?

А глаза, глаза на лице твоём —
Два обугленных прошлолетних круга!
Видно, отроком в невеселый дом
Завела подруга.

Далеко — в ночи — по асфальту — трость,
Двери настезь — в ночь — под ударом ветра...
Заходи — гряди! — нежеланный гость
В мой покой пресветлый.

4 марта 1916

* * *

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.

Процветай, народ, —
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

21 мая 1939, Париж

* * *

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) — жар, вал
Бормот — сквозь жимолость — ста жил...
Радуйся же! — Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души — что вот уже: лбом в сон.
Ибо — зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» —
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь — жизнь.

8 июля 1922

* * *

Нет! Еще любовный голод
Не раздвинул этих уст.
Нежен — оттого что молод,
Нежен — оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот — Ширази лепестки!—
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

23 августа 1917

* * *

О. Э. Мандельштаму

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь,
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

НОВОЛУНЬЕ

Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем — скрываю, днем — молчу.
Месяц в небе,— нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут — твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Октябрь 1909, Таруса

* * *

Ночи без любимого — и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был — и не будет,
Кто не может быть — и должен быть.
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен — вниз...

Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.

Между 30 июня и 6 июля 1918

* * *

Ночного гостя не застанешь...
Спи и проспи навек
В испытаннейшем из пристанищ
Сей невозможный свет.

Но если — не сочти, что дразнит
Слух!— любящая — чуть
Отклонится, но если навзрыд
Ночь и кифарой — грудь...

То мой любовник лавролобый
Поворотил коней
С ристалища. То ревность Бога
К любимице своей.

2 июля 1922

* * *

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был сед.
Потом, к шерсти,
Начался рассвет.

20 июля 1916

* * *

О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!

О, черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта - 11 мая 1939

ОВРАГ

1

Дно - оврага.
Ночь - корягой
Шарящая. Встряски хвой.

Клятв - не надо.
Ляг - и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить - закашляешься. Всласть

Пей! Без пятен -
Мрак! Бесплатен -
Бог: как к пропасти припасть.

(Час - который?)
Ночь - сквозь штору
Знать - немного знать. Узнай

Ночь - как воры,
Ночь - как горы.
(Каждая из нас - Синай

Ночью...)

10 сентября 1923

2

Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу
- Сердце перебой -
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой.

Никогда не узнаешь, каких не-наших
Бурь - следы сцеловал!
Не гора, не овраг, не стена, не насыпь:
Души перевал.

О, не вслушивайся! Болевого бреда
Ртуть... Ручьевая речь...
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут - от плеч!

О, не вглядывайся! Под листвой падучей
Сами - листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.

Ляг - и лягу. И благо. О, всё на благо!
Как тела на войне -
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может - неба на дне!)

В этом бешеном беге дерев бессонных
Кто-то насмерть разбит.
Что победа твоя - поражение сонмов,
Знаешь, юный Давид?

11 сентября 1923

* * *

О. Э. Мандельштаму

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
Откуда такая нежность?—
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая — о нежность!—
На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней?

18 февраля 1916

* * *

По ночам все комнаты черны,
Каждый голос темен. По ночам
Все красавицы земной страны
Одинаково — невинно — неверны.

И ведут друг с другом разговоры
По ночам красавицы и воры.
Мимо дома своего пойдешь —
И не тот уж дом твой по ночам!

И сосед твой — странно-непохож,
И за каждою спиною — нож,

И шатаются в бессильном гневе
Черные огромные деревья.

Ох, узка подземная кровать
По ночам, по черным, по ночам!
Ох, боюсь, что буду я вставать,
И шептать, и в губы целовать...

— Помолитесь, дорогие дети,—
За меня в час первый и в час третий.

17 декабря 1916

* * *

По холмам - круглым и смуглым,
Под лучом - сильным и пыльным,
Сапожком - робким и кротким -
За плащом - рдяным и рваным.

По пескам - жадным и ржавым,
Под лучом - жгучим и пьющим,
Сапожком - робким и кротким -
За плащом - следом и следом.

По волнам - лютым и вздутым,
Под лучом - гневным и древним,
Сапожком - робким и кротким -
За плащом - лгущим и лгущим.

* * *

Пожирающий огонь — мой конь.
Он копытами не бьет, не ржет.
Где мой коньдохнул — родник не бьет,
Где мой коньмахнул — трава не растет.
Ох, огонь-мой конь — несытый едок!
Ох, огонь — на нем — несытый ездок!
С красной гривой свились волоса...
Огневая полоса — в небеса!

14 августа 1918

* * *

Полнолуние, и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час!— Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилоствовал мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега — свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне целовываете, друг,
Я на дерево гляжу,— в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь — сниться,
Отоснились — Вы.

27 ноября 1915

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою,-
Проще ведь?- Удар весла!-
Линией береговую
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу - не по водам)!
Души, души!- быть вам сестрами,
Не любовницами - вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с одного сошед),

Как живется вам - хлопчется -
Ежится? Встается - как ?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

"Судорог да перебоев -
Хватит! Дом себе найму".
Как живется вам с любовью -
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее -
Снедь? Приестся - не пеняй...
Как живется вам с подобием -
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром - любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам - здоровится -
Можется? Поется - как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк - крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог - и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной -
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?..
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин -
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

* * *

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Февраль 1941

* * *

- Пора! для *этого* огня -
Стара!
- Любовь - старей меня!

- Пятидесяти январей
Гора!
- Любовь - еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! - камней, старей - морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.

23 января 1940

* * *

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий,
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,-
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
"Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все".

В платье белоснежном - с детства
Нелюбимый цвет!-
Лягу - с кем-то по соседству?-

До скончанья лет.

Слушайте!- Я не приемлю!
Это - западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю!- Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

Весна 1913, Москва

* * *

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим,— ничьим,
В медленных жилах еще занывают стрелы,
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик,— и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

19 июля 1916

* * *

О. Э. Мандельштаму

Приключилась с ним странная хворь,
И сладчайшая на него нашла оторопь.
Все стоит и смотрит ввысь,
И не видит ни звезд, ни зорь
Зорким оком своим — отрок.

А задремлет — к нему орлы
Шумнокрылые слетаются с клекотом,
И ведут о нем дивный спор.
И один — властелин скалы —

Клювом кудри ему треплет.

Но дремучие очи сомкнув,
Но уста полураскрыв — спит себе.
И не слышит ночных гостей,
И не видит, как зоркий клюв
Златоокая вострит птица.

20 марта 1916

ПРИМЕТЫ

Точно гору несла в подоле -
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.

Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.

Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль

Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеваясь, гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн

Горловых,- горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет!- по трели
Всего тела вдоль!

29 ноября 1924

* * *

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!

Живу — никто не нужен!
Взошел — ночей не сплю.
Согреть чужому ужин —
Жилье свое спалю!

Взглянул — так и знакомый,
Взошел — так и живи!
Просты наши законы:
Написаны в крови.

Луну заманим с неба
В ладонь,— коли мила!
Ну, а ушел — как не был,
И я — как не была.

Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажить
До первого чужого,
Который скажет: «Пить».

Август 1920

ПРОХОЖИЙ

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед,—

Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь,
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913, Коктебель

РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Глыбами - лбу
Лавры похвал.
"Петь не могу!"
- "Будешь!"- "Пропал,

(На толочно
Переводи!)
Как молоко -
Звук из груди.

Пусто. Суха.
В полную веснь -
Чувство сука".
- "Старая песнь!

Брось, не морочь!"
"Лучше мне впредь -
Камень толочь!"
- "Тут-то и петь!"

"Что я, снегирь,
Чтоб день-деньской
Петь?"
- "Не моги,
Пташка, а пой!

На зло врагу!"
"Коли двух строк
Свесть не могу?"

- "Кто когда - мог?!"

"Пытка!" - "Терпи!"

"Скошенный луг -

Глотка!" - "Хрипи:

Тоже ведь - звук!"

"Львов, а не жен

Дело". - "Детей:

Распотрошен -

Пел же - Орфей!"

"Так и в гробу?"

- "И под доской".

"Петь не могу!"

- "Это воспой!"

Медон, 4 июня 1928

* * *

О. Э. Мандельштаму

Разлетелось в серебряные дребезги

Зеркало, и в нем — взгляд.

Лебеди мои, лебеди

Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало

Мне прямо на грудь — перо.

Я сегодня во сне рассыпала

Мелкое серебро.

Серебряный клич — звонок.

Серебряно мне — петь!

Мой выкормыш! Лебеденок!

Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь

Ни матери, ни сродникам.

Пойду и встану в церкви,

И помолюсь угодникам

О лебеде молоденьком.

1 марта 1916

* * *

Б. Пастернаку

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это - сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассорили - рассорили,
Расслоили...

Стена да ров.
Расселили нас, как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили - растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас, как сирот.

Который уж, ну который - март?!
Разбили нас - как колоду карт!

24 марта 1925

РОДИНА (О, НЕПОДАТЛИВЫЙ ЯЗЫК...)

О, неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Но и с калужского холма
Мне открывалася *она* —
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!» Со всех — до горних звезд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь,—
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДАМА

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река...
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Я для ослика достану хлеба,
(Не увидят, не услышат, - я легка!)
Я игрушек не возьму на небо...
Увези меня с собою в облака!

Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

1909-1910

РОЛАНДОВ РОГ

Как бедный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве:
За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он,—
Чтоб, пошатнувшись,— на живую стену
Упал — и знал, что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — все горб.
Так, наконец, усталая держаться

Сознанием: долг и назначением: драться,—
Под свист глупца и мещанина смех,—
Одна за всех — из всех — противу всех,
Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди — тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!

<1932>

* * *

Руки даны мне — протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы — давать имена,
Очи — не видеть, высокие брови над ними —
Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди,—
Это — кто знает?— не знаю,— быть может,—
должно быть —

Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916

* * *

Русской ржи от меня поклон,
Полю, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...

Ты в погудке дождей и бед —
То ж, что Гомер в гекзаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь мои — обе заняты.

7 мая 1925

РЫЦАРЬ НА МОСТУ

Бледно-лицый
Страж над плеском века.
Рыцарь, рыцарь,
Стерегающий реку.

(О, найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)

Ка-ра-ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку —
Нас-то — сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный.— Розам цвесть!
Бросил — брошусь!
Вот тебе и мечь!

Не устанем
Мы — доколе страсть есть!—
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,

Крылья!— В тину,
В пену — как в парчу!
Мосто-вины
Нынче не плачу!

«С рокового мосту
Вниз — отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку — дней.

27 сентября 1923

* * *

Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнёт — и в щель
Колеблющийся и рассеянный

Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу — не двинешься!)
Так пэри к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.

Ибо не ведающим лет
— Спи!— головокруженье нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!

Спи.— Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.

16 июля 1922

* * *

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней — утешаюсь.
Если встретится — скажи.

25 мая 1918

* * *

О. Э. Мандельштаму

Собирая любимых в путь,
Я им песни пою на память —
Чтобы приняли как-нибудь,
Что когда-то дарили сами.

Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрестка.
Ты без усталы, ветер, пой,
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Туча сизая, слез не лей,—
Как на праздник они обуты!
Ущери себе жало, змей,
Кинь, разбойничек, нож свой лютый.

Ты, прохожая красота,
Будь веселою им невестой.
Потруди за меня уста,—
Наградит тебя Царь Небесный!

Разгорайтесь, костры, в лесах,
Разгоняйте зверей берложьих.
Богородица в небесах,
Вспомяни о моих прохожих!

17 февраля 1916

* * *

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд.— Никому. Никогда!
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму!— Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет,— погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Март 1919

* * *

Солнцем жилки **на**литы - не кровью -
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
- Странно чувствовать так сильно и так просто
Мимолетность жизни - и свою.

15 мая 1913

СТИХИ К ПУШКИНУ

1

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен -

Пушкин - в роли монумента?
Гостя каменного - он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин - в роли Командора?

Критик - ноя, нытик - вторя:
- Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры? Чувство моря
Позабыли - о гранит

Бьющегося? Тот, соленый
Пушкин - в роли лексикона?

Две ноги свои - погреться -
Вытянувший - и на стол
Вспрыгнувший при Самодержце -
Африканский самовол -

Наших прадедов умора -
Пушкин - в роли гувернера?

Черного не перекрасить
В белого - неисправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки - своим

Звавший, невское - проклятым!
Пушкин - в роли русопята?

К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем,

Всех живучей и живее!
Пушкин - в роли мавзолея?

Уши лопнули от вопля:
- Перед Пушкиным во фронт!
А куда девали пекло
Губ, куда девали - бунт

Пушкинский, уст окаянство?
Пушкин - в меру пушкиньянца!

Что вы делаете, карлы,
Этот - голубей олив -
Самый вольный, самый крайний
Лоб - навеки заклеимив

Низостию двуединой
Золота и середины.

Пушкин - тога, Пушкин - схима,
Пушкин - мера, Пушкин - грань..
Пушкин, Пушкин, Пушкин - имя
Благородное - как брань

Площадную - попугаи.
Пушкин? Очень испугали!

25 июня 1931, Мёдон

* * *

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: «Откуда мне сие?»

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

СТРАНА

С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны - на карте
Нет, в пространстве - нет.

Выпита как с блюда,-
Донышко блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который - скрыт?

Заново родися -
В новую страну!

Ну-ка, воротися
На спину коню

Сбросившему! Кости
Целы-то хотя?
Эдакому гостю
Булочник ломтя

Ломаного, плотник -
Гроба не продаст!
...Той ее - *несчетных*
Верст, *небесных* царств,

Той, где на монетах -
Молодость моя -
Той России - нету.
- Как и той меня.

Конец июня 1931, Мёдон

ТОЛЬКО ДЕВОЧКА

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду - волк
И помнить: я - овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка,- молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

* * *

Только живите!— Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.

Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь
темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг — словно с неба —
ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
— Так молодую Бурю слушает Бог.
20 июня 1917

* * *

Только закрою горячие веки
Райские розы, райские реки...

Где-то далече,
Как в забыти,
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева,
Царское древо
В круглом раю.

20 января 1917

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

У нас за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорные сердца.
Мы молоды. Нас трое.

Мы за уроком так тихи,
Так пламенны в манеже.
У нас похожие стихи
И сны одни и те же.

Служить свободе - наш девиз,
И кончить, как герои.
Мы тенью [Шиллера](#) клялись.
Мы молоды. Нас трое.

1909-1910

* * *

О. Э. Мандельштаму

Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая твоя верста...—

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика,—
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!

18 февраля 1916

* * *

Ты, меня любивший фальшью
Истины - и правдой лжи,
Ты, меня любивший - дальше
Некуда! - За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. - Десницы взмах! -
Ты меня не любишь больше:

Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

* * *

У камина, у камина
Ночи коротаю.
Все качаю и качаю
Маленького сына.

Лучше бы тебе по Нилу
Плыть, дитя, в корзине!
Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне.

Царский сон оберегая,
Затекли колени.
Ночь была... И ночь другая
Ей пришла на смену.

Так Агарь в своей пустыне
Шепчет Измаилу:
— "Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!"

Дорастешь, царек сердечный,
До отцовской славы,
И поймешь: недолговечны
Царские забавы!

И другая, в час унылый
Скажет у камина:
"Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!"

2 февраля 1917, Сретение

* * *

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все - как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой mine,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.

Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
- Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

К вам всем - что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!-
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да* и *нет*,
За то, что мне так часто - слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне прямая неизбежность -
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
- Послушайте!- Еще меня любите
За то, что я умру.

* * *

В. Я. Брюсову

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли,—
Не изменишь, все равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.
Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли...
— Так теперь заведено.—
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

* * *

Умирая, не скажу: была.
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты - крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья -
Я тебе повелеваю: - будь!
Я - не выйду из повиновенья.

30 июня 1918

* * *

Ушел - не ем:
Пуст - хлеба вкус.
Всё - мел.
За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

* * *

Цветок к груди приколот,
Кто приколот - не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек -
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо -
И выстрелит в упор.

22 октября 1915

* * *

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

Челюскинцы: звук —
Как сжатые челюсти!
Мороз на них прет,
Медведь на них щерится.

И впрямь челюстями —
На славу всемирную —

Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!

На льдине (не то
Что — черт его — Нобиле!)
Родили дитё
И псов не угробили —

На льдине!
Эол
Доносит по кабелю:
«На льдов произвол
Ни пса не оставили!»

И спасши (мечта
Для младшего возраста!),
И псов и дитя
Умчали по воздуху.

«Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый — полюсом!

А рядом — сердит
На громы виктории —
Второй уже Шмидт
В российской истории:

Седыми бровями
Стесненная ласковость...

Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здоровствует
Советский Союз!

За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь,
Челюскинцы — русские!

1934

ЭМИГРАНТ

Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами
Дамами, Думами,

Не слюбившись с вами, не сбившись с вами,
Неким -
Шуманом пронося под полой весну:
Выше! из виду!
Соловьиным тремоло на весу -
Некий - избранный.

Боязливейший, ибо взяв на дыб -
Ноги лижете!
Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.

Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Беги - выходец.

9 февраля 1923

* * *

Я — есмь. Ты — будешь. Между нами — бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться — тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют.— Бог мостов не строит.

Будь!— это заповедь моя. Дай — мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я — есмь. Ты будешь. Через десять весен
Ты скажешь: — есмь!— а я скажу: — когда-то...

6 июня 1918

* * *

В. Я. Брюсову

Я забыла, что сердце в Вас — только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти — критика. Ранний старик,
Вы опять мне на миг
Показались великим поэтом.

* * *

Я счастлива жить образцово и просто —
Как солнце, как маятник, как календарь.
Быть светской пустынноницей стройного роста,
Премудрой — как всякая божия тварь.

Знать: дух — мой сподвижник и дух — мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато —
Как бог повелел и друзья не велят.

Ноябрь 1919

